

Свирида Надежда Николаевна

**ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье раскрываются отдельные факторы и формы проявления противоречивости исторического сознания в контексте модернизационных процессов в российском обществе. Автор показывает, что противоречивость исторического сознания проявляется в виде противостояния западничества и славянофильства, в форме противоположных оценок советского прошлого и современных реформ в России. Делается вывод о необходимости диалога национально и либерально ориентированной истории как условия выявления и реализации культурного потенциала исторического сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 138-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В XX в. философия науки становится совершенно очевидным, что ни одна научная теория не может объяснить всё с абсолютной однозначностью и доказательностью, иначе она становится тупиковой для выработки новых научных конструкций. Теория должна быть эвристичной, возможность быть опровергнутой, оспоренной, доработанной – лучшая ее судьба. Состоятельность теории определена рамками конкретной системы координат. В ходе развития научного познания возможно обращение субъекта познания от последующей теории вновь к предыдущей, совпадение теорий. Так, теория относительности не отменила механики Ньютона, а лишь указала границы ее применимости. Более того, определенность границ применимости механики планетарными условиями не отразилась на таких случаях астрономической практики, как, например, расчет траектории движения искусственных спутников Земли. Именно в научной коммуникации обеспечивается сочетание преемственности и новаций, интеграции и дифференциации – ключевых механизмов развития науки. Можно заключить, что все процедуры научной деятельности являются собой коммуникацию, характеризующую, прежде всего, двухуровневой структурой, диалектичностью, свободой и регламентированностью, прозрачностью, использованием специального языка и преимущественно письменного канала речи.

Список литературы

1. Денисов С. Ф. История и философия науки: в 2-х ч. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. Ч. 1. Наука и ее институциональная специфика. 292 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Прайс Д. Д. де Солла. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 281-385.
4. Соболева М. Е. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. № 2 (33). С. 97-119.

FORMS AND PECULIARITIES OF SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

Rudi Amina Shamil'evna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Omsk State Transport University
amina_rudi@mail.ru

The article considers science functioning as a process communicative in its nature. The author analyzes scientific communication specifics and concludes on the relative freedom of the scientific sphere subjects' interaction from habitual communicative circumstances. The "invisible colleges" level is considered as a level of the maximum freedom of scientific communications. The paper emphasizes the dialectic, discursive nature of science.

Key words and phrases: scientific communications; scientific community; "invisible college"; formal and informal interactions.

УДК 130.2

Философские науки

В статье раскрываются отдельные факторы и формы проявления противоречивости исторического сознания в контексте модернизационных процессов в российском обществе. Автор показывает, что противоречивость исторического сознания проявляется в виде противостояния западничества и славянофильства, в форме противоположных оценок советского прошлого и современных реформ в России. Делается вывод о необходимости диалога национально и либерально ориентированной истории как условия выявления и реализации культурного потенциала исторического сознания.

Ключевые слова и фразы: история; историческое сознание; противоречивость; модернизация; культура; западничество; славянофильство; кризис исторического сознания; раскол; диалог.

Свирида Надежда Николаевна, к. филос. н., доцент
Сургутский государственный педагогический университет
nadSvirida@yandex.ru

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Я заметил, что почти у всякого образовалась в голове своя Россия, и оттого бесконечны споры.

Н. В. Гоголь

В переломные периоды, когда одновременно говорится о кризисе и возрождении России, когда сталкиваются противоположные и взаимоисключающие оценки прошлого и современного состояния общества, «историческое сознание и историческая память становятся мощным фактором, влияющим на поведение людей, их образ жизни» [14, с. 298]. Являясь связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, историческое сознание выполняет в обществе «функции интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов» [7, с. 4], но также может обладать разрушительной силой в поляризованном обществе. Поэтому вопрос о роли исторического сознания становится особенно актуальным в эпоху

модернизационных процессов, когда с особой остротой встают задачи коренной переоценки исторического опыта. Отметим, что модернизация – это не только переход от традиционного к индустриальному обществу, но и «процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует предваряющего изменения идентичности людей модернизирующегося общества» [16, с. 245]. В связи с этим возрастает роль исторического сознания в восстановлении частично утраченной социокультурной идентичности.

В данной статье сосредоточено внимание на отдельных факторах и формах проявления противоречивости исторического сознания в контексте модернизации российского общества. Противоречивость нельзя охарактеризовать как особенность исторического сознания вообще, но она может быть различной по формам и способам развертывания в конкретных социокультурных условиях. Противоречивость исторического сознания зависит от целого ряда факторов: географического и политического положения страны, социальных условий и культурной среды, ценностных оснований общества, специфики социокультурных модернизационных процессов и др. В контексте рассматриваемой проблемы конкретизируем некоторые из них.

Во-первых, амбивалентность характерна не только для русской истории, но и для исторического сознания. Может потому, что «Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [2, с. 5]. Известно, что Петр I, будучи сторонником европейского типа развития, провел реформы по-азиатски, опираясь на государство, в результате чего восточные черты в организации российского общества усилились. Более того, реформы Петра I раскололи Россию и привели к образованию почвенного и европейского укладов, со своей системой ценностей, тяготеющих к различным типам развития, «они даже говорили на разных языках: почва – на русском, цивилизация – на французском» [13, с. 157]. Л. И. Семенникова подчеркивает, что «расколотость русского общества, противостояние разных частей – один из важных факторов, определивших развитие страны на протяжении последних трех столетий» [Там же]. Содержательная характеристика социокультурных проявлений раскола в русской истории дается в работах А. С. Ахиезера. Раскол характеризуется противоречием между культурой и социальными отношениями [1, с. 14], между соответствующей системой ценностей: это распад смыслового поля в единой культуре. В период социокультурного раскола, когда нарастает острота мировоззренческих разногласий в отношении к прошлому, настоящему и будущему России, проблематично говорить о целостном, непротиворечивом историческом сознании.

Во-вторых, модернизационные неудачи в XIX-XX веках, углубляющие социокультурный раскол общества, ведут к рассогласованию исторических временных связей, проявляющемуся в деформации «каких-то общих тенденций исторического развития: в плане сопоставления ее теперешнего состояния с темпами, характером, ценностями, ориентирами всего предшествующего развития» [5, с. 80-81].

Не затрагивая механизмы модернизационных процессов, отметим, что дореволюционная волна модернизации, в большей степени осуществляемая в виде вестернизации, несмотря на определенные последствия, потерпела поражение. В XX веке большевистская модернизация стала выполнением той же задачи – в технологическом плане любой ценой «догнать и перегнать» Запад, а «перестройка» привела к распаду страны и разрушению индустриального потенциала. В итоге, изменившаяся социальная среда, новые социокультурные условия ставят перед каждым человеком задачу адаптации к радикально меняющимся условиям, но исторический горизонт изменяется так, что все, что было в прошлом, моментально становится несущественным и кажется, что к новой исторической реальности не имеет никакого отношения. Другими словами, «наступает такой переломный этап, который можно охарактеризовать известными шекспировскими словами из “Гамлета”: “Распалась связь времен”. Люди не знают, что взять от отцов и дедов и чему учить детей и внуков» [9, с. 14].

В-третьих, противоречивость исторического сознания во многом вытекает из специфики форсированного типа развития, догоняющей модернизации как искусственного, навязанного развития, основанной на подражании западному культурному типу, что неизбежно, как показывает исторический опыт, приводило к утрате части накопленных достижений и разрыву с прошлым.

Таким образом, в историческом сознании отдельных личностей и социальных групп модернизирующегося общества совмещаются, подчас противореча друг другу, старые и новые культурные образцы, что приводит либо к поиску ностальгического утешения в прошедших временах, либо к попытке реализовать мечту о светлом будущем.

Так, противоречивость исторического сознания в XIX веке ярче всего проявилась в борьбе западников и славянофилов. По мнению И. Н. Ионова, «отправной точкой размышлений об истории стал внешний для национальной истории факт: ускоренное экономическое и социально-политическое развитие Европы, модернизация с ее плюсами и минусами. Это вызвало либо попытку подражания и превращение модернизации в сверхценность, либо компенсаторное превознесение той части национальных ценностей, которая противоречила идеалу модернизации» [6, с. 91]. Анализ противостояния западничества и славянофильства свидетельствует о том, что их концепции являются разными логиками исторического мышления, традиционным и западным типами культуры со своими ценностными системами, исходя из которых и определились ответы на одни и те же вопросы. Подтверждением этому положению является оппозиция в историческом сознании западников и славянофилов – «прошлое-настоящее» и ее модификации: «прошлое-будущее», «настоящее-будущее», «свое-чужое».

Известно критическое отношение западников к прошлому и настоящему России, в крайней форме прозвучавшее у П. Я. Чаадаева. По мнению автора «Философических писем», в России нет прошедшего, ведь «мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает безвозвратно» [17, с. 326]. И далее: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [Там же, с. 325]. В отличие от западников,

ранние славянофилы обратились к допетровской Руси и выдвинули на первый план проблему возрождения традиций, что привело к изучению своеобразия истории и культуры русского народа.

Противоречивость исторического сознания проявляется в оппозиции «свое-чуждое»: ценностная система западников строилась по контрасту с российской действительностью, они ориентировались на ценностные установки, характерные для развивающегося в Европе буржуазного общества, – частную собственность, свободу, право и т.д. Славянофилы считали, что отечественная культура корнями уходит в глубинное чувство родного, ее не стыдятся и не разрушают, поэтому их ценностная система строилась с учетом «почвенного», патриархального уклада жизни [3, с. 84, 120-121].

Обращаясь к оппозиции «настоящее-будущее» в историческом сознании западников и славянофилов, отметим, что «перспективный» общественный идеал будущего был основан у западников на подражании западной культурной модели; «ретроспективный» общественный идеал славянофилов давал готовые образцы, исходя из прошлого опыта [12, с. 117]. В этой связи Н. Я. Данилевский подчеркивал, что наша подражательность была впервые приведена к осознанию славянофилами и западниками. Но «одни, славянофилы, обличали ее и усматривали в ней корень и причину всех наших внутренних зол и неурядиц... Другие, западники, напротив того, видели все зло нашей жизни в недостаточности нашей подражательности, в ее односторонности и несмелости» [4, с. 328]. Н. Я. Данилевский задается вопросом: «Неужели не нашлось своевременно в России умов достаточно прозорливых, чтоб понять всю ложь, весь вред, все бессмыслие подражательности и противостоять ей?» [Там же, с. 332]. Думается, этот вопрос мыслителя XIX века волнует нас всякий раз, когда мы пытаемся скорректировать свой путь по европейской модели.

Таким образом, противоречивость исторического сознания западников и славянофилов проявилась в отношении к истории и культуре русского народа; в осмыслении исторической миссии России, ее места в мировой истории; в значимости диалога культур (Россия – Европа); в понимании основных ценностей, определяющих социальную и личную жизнь человека; в определении тенденций исторического развития России [12, с. 118].

Несмотря на то, что спор западников и славянофилов о прошлом, настоящем и будущем России в новых формах и с новым историческим содержанием продолжается до сих пор, тем не менее противоречия в историческом сознании нельзя сводить только к борьбе западников и славянофилов [Там же], в современной лексике – либерализма и традиционализма.

Так, в советский период противоречия проявлялись на обыденном уровне, в художественном отражении исторического прошлого и в исторической науке, но им не давали приобрести открытую форму. Например, в исторической науке особый интерес вызывает Октябрьская революция 1917 г. как одно из значительных событий, коренным образом изменившее социальный облик страны. Наряду с официальной трактовкой Октябрьской революции, объяснявшей ее зрелостью материальных предпосылок социализма, представители другого направления (П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, И. Н. Гиндин и др.) в 50-е – 70-е гг. XX века «ставили вопросы о типе российской капиталистической эволюции, об альтернативности исторического развития России, о важности учета роли отсталости страны как катализатора всех противоречий и социальных потрясений» [19, с. 170].

Противоречивость исторического сознания в условиях современного социокультурного кризиса дает основание отдельным исследователям говорить о его кризисе и расколе. По словам А. В. Леоны, «исторически переходный период конца XX – начала XXI вв. усугубил кризис исторического сознания», который проявляется «в болезненном и сложном постижении исторической правды и в целом пути обновления общества» [7, с. 159]. Предметами противоречивых исторических суждений и концепций оказываются не только советское прошлое, но и результаты либерально-демократических реформ, а также будущее России и пути его достижения. Так, Г. Л. Тульчинский подчеркивает: «Попытке переосмыслить исторический опыт подверглось все и вся. Прошлое: дореволюционное и революционное, гражданская война, нэп, коллективизация, война 1941-45 гг., внешняя политика. Настоящее: национальные проблемы, кооперирование, перспективы рыночной экономики» [15, с. 316]. Автор определяет это состояние нашего общества как «меланхолия понимания», когда «пораженный ею, жаждущий понимания разум подобен Мидасу – все, чего он не касается, превращается в неожиданную собственную противоположность» [Там же, с. 317].

Существуют различные точки зрения относительно необходимости, содержания, характера и результатов либеральных реформ, но, как отмечает М. А. Шабанова, «в настоящее время у ученых нет единого мнения о критериях оценки результатов трансформации российского общества. Фиксируя исходные закономерности, исследователи часто дают им противоречивые оценки» [18, с. 151]. На наш взгляд, выдвижение в центр современного исторического сознания вопросов, касающихся экономики и политики, социальной сферы и духовной жизни, вытекает из особенностей трансформации российского общества.

Историческое сознание нынешнего поколения россиян, по мнению А. И. Панюкова, распадается на три интерпретации, «версии» истории: «официальная», «история частная», «история оппозиционная». Каждая версия выполняет свои функции, обусловленные дифференциацией, расслоением общества, наличием в нем разных, подчас взаимоисключающих, подходов и взглядов [10, с. 273]. С одной стороны, противоречивость взглядов, суждений, оценок событий недавнего прошлого и настоящего свидетельствует о плюралистичности исторического сознания, а с другой стороны, острые споры и дискуссии представителей разных направлений исторической и общественной мысли зачастую имеют откровенно политический характер, им свойственны фрагментарность и односторонность. Как справедливо отмечает Е. Н. Яркова, «неразвитость реалистической позиции по отношению к историческому прошлому делает проблематичным выход российского общества к новым, отвечающим требованиям современности уровням его организации» [20, с. 77].

Все вышеизложенное подводит нас к выводу, что разрешение противоречий современного исторического сознания возможно тогда, когда различные стороны смогут во имя устойчивого будущего пойти на диалог, слушать и слышать друг друга. Предпосылкой такого диалога служит признание положительной роли ценностей отечественной культуры как условия для перехода России «от догоняющей модернизации к национальной» (В. Г. Федотова), с одной стороны, и самих европеизации и модернизации как воспроизводства и развития русских традиционных ценностей – с другой. Нельзя не согласиться с точкой зрения Н. С. Розова, что «Россия имеет в данном случае три главных культурных ресурса для опоры – это память о не имперских периодах процветания в отечественной истории, традиционное российское европейство и обостренное чувство национального достоинства» [11, с. 167]. В нашей истории так много страниц, объединяющих народ, события, личности, которые могут служить вдохновляющим примером для сегодняшнего дня. Только «какцентируя общее прошлое, героизируя его достопримечательные страницы, историческое сознание делает память о нем сильным объединяющим чувством, мощным фактором национального сплочения, выступающим источником духовного подъема» [8, с. 12].

В целом сегодня назрела необходимость конструктивного диалога национально и либерально ориентированной истории, направленного на выявление культурного потенциала исторического сознания и возможных путей его реализации в процессе сложных модернизационных преобразований российского общества.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. От прошлого к будущему. М.: Пик, 1994. 64 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «СВАРОГ и К», 1997. С. 4-220.
3. Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М.: Высшая школа, 1995. 352 с.
4. Данилевский Н. Я. Происхождение нашего нигилизма. По поводу статьи «Этюды господствующего мировоззрения» // Данилевский Н. Я. Горе победителям. М.: «Алир»; ГУП «Облиздат», 1998. С. 288-336.
5. Зарубин А. Г. Особенности изменения временных связей истории в период социальных кризисов // История как объект философского знания. М., 1991. С. 69-91.
6. Ионов И. Н. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 91-102.
7. Леона А. В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса [Электронный ресурс]: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. 178 с. URL: http://vii.sfu-kras.ru/images/libs/monografiya_1.pdf (дата обращения: 20.12.2015).
8. Могильницкий Б. Г. Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания: материалы межвуз. конф. (г. Саратов, 2-4 июля): в 2-х ч. / отв. ред. В. П. Порох. Саратов, 1995. Ч. 1. С. 10-18.
9. Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура» (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 3-47.
10. Панюков А. И. Историческое сознание и отечественная социальная философия. Красноярск: РИО КГПУ, 1999. 356 с.
11. Розов Н. С. Россия как страна и цивилизация: эскиз политико-экономической и культурной стратегии // Философия и общество. 1998. № 1. С. 151-172.
12. Свирида Н. Н. Историческое сознание как явление культуры: дисс. ... к. филос. н. Омск, 2004. 151 с.
13. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Изд-е 3-е, перераб. и доп. Брянск: Курсив, 1998. 558 с.
14. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
15. Тульчинский Г. Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 412 с.
16. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
17. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 320-440.
18. Шабанова М. А. Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механизменная» перспектива анализа // Социс. 2004. № 1. С. 142-151.
19. Шевченко В. Н. Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ) // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 170-174.
20. Яркова Е. Н. Исторический опыт как социокультурный институт // Философия и общество. 2014. № 3. С. 67-78.

AMBIGUITY OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Svirida Nadezhda Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Surgut State Pedagogical University
nadSvirida@yandex.ru

The article discovers certain factors and forms to manifest the ambiguity of historical consciousness in the context of modernization processes in the Russian society. The author shows that the ambiguity of historical consciousness manifests itself in the form of confrontation between Westernism and Slavophilism regarding the evaluation of the Soviet past and modern reforms in Russia. The paper concludes on the necessity of the dialogue between nationally and liberally oriented history as a provision to identify and realize the cultural potential of historical consciousness.

Key words and phrases: history; historical consciousness; ambiguity; modernization; culture; Westernism; Slavophilism; crisis of historical consciousness; split; dialogue.